

Сов. культура. -
- 7 июля 1990 г. ◆

5

Калью КОМИССАРОВ:

Я ВСЕГДА БЫЛ РЕАЛИСТОМ

Эстонскому режиссеру Калью Комиссарову членство в компартии организаторских условий для произрастания творческого духа не приносило никогда. Ни в начале семидесятых, когда в спектакле «Процесс» по сценарию Эбби Манна он продемонстрировал антигуманную сущность тоталитаризма, ни позднее, когда в «Братях Лаутензак» Лиона Фейхтвангера он с беспощадной холодностью исследователя показал, что тоталитаризм неразрывно связан с общественной истеричностью (и более того — ею же и вызван), ни тогда, когда вслед за Чингизом Айтматовым утверждал в «И долгие века длится день» приоритет Личности над Системой. Он явно не вписывался в победный ритм социализма. Хотя в мягком по тем временам климате Эстонии его не репрессировали, не изгоняли и почти не клеймили, само имя Комиссарова вызывало стойкую гримасу неудовольствия. Той структуре он был неудобен, хотя в общем-то и нужен, ибо овладел бесспорным авторитетом в искусстве. И вот сегодня, когда число сданных эстонцами партийных билетов исчисляется уже тысячами, когда сдаются они едва ли не в азарте, едва ли не наперегонки, Комиссаров остается коммунистом. Почему и становится потихоньку неудобным уже новой структуре, которая все-таки будет его терпеть, поскольку его авторитет не пошатнулся ничуть. Авторитет художественного руководителя вильяндского театра «Угала», педагога, заведующего кафедрой специальных искусств консерватории (в Эстонии самостоятельного театрального института нет), секретаря правления Союза театральных деятелей республики, авторитет — и это более всего — режиссера, художника.

— Калью, ты опять вываливаешься из гнезда...

— Потому что я коммунист и хочу, как говорится, пройти эту дорожку до конца. И вот, когда КПСС из руководящей силы превратится в нормальное сообщество единомышленников и будет действовать в обществе наряду и в партнерстве с другими силами, только тогда можно будет говорить о реальных демократических изменениях — в том числе и у нас в Эстонии, потому что мы маленькая республика, и (как это кому-то и не нравится) ход нашего политического развития зависит от процессов в России, в стране в целом. Так было в 1918 году, так будет и сейчас.

Можно сколько угодно провозглашать независимость, от этого реально ничего не изменится. Кроме того, наше общество сейчас расколото, и я считаю, что Коммунистическая партия может и должна быть организацией консолидирующей. Сейчас она повернулась лицом к бедам и надеждам эстонского народа, для которого ключе-

вым вопросом является вовсе не восстановление рыночных отношений, а сохранение нации, в силу своей малости оказавшейся на грани исчезновения. И эта партия не хочет и не будет решать проблемы эстонского народа за счет других народов, за счет людей неэстонских национальностей, которые живут в республике. Я всегда был реалистом, а реальность такова, что их порядка 600 тысяч человек, и нам жить вместе. Значит — нужна организация, политическая организация, которая на основе гуманистических идеалов и на основе жизненных реалий будет проводить политику достойной совместной жизни.

Если сейчас с обеих сторон отбросить красные и сине-черно-белые (цвета национального флага Эстонии. — М. О.) крайности, в середине останется подавляющая масса людей, которые понимают, что экстремизм никуда не ведет, кроме как к дальнейшему упадку жизненного уровня и к еще большему взаимному недоверию. Коммунистическая партия ориентируется именно на этих людей, и потому я продолжаю оставаться ее членом. Видишь, как сложно я объясняю.

— Не так уж и сложно. Хотя должна тебе сказать: многие твои коллеги улыбнутся, прочитав, что ты реалист. Они-то как раз считают тебя политическим романтиком.

— Это их дело. Время покажет, кто из нас романтик. Подождем, поработаем пока, надо ведь научиться работать в атмосфере свободы, мы этого еще не умеем. Сейчас вообще мы какие-то перегретые. Все занимают не своим делом, поэтому такая страсть к простым определениям, которые в итоге оказываются ярлыками, к политической говорильне. Оставить бы политику политикам, артисты же пусть играют, режиссеры ставят, а литераторы пишут...

— Как было сказано в сериале «Семнадцать мгновений весны»: воздушной свободы опьянил профессора Плейшнера...

— Вот-вот... В этой эйфории смеются все актеры. И не только в политике. Скажем, сейчас все ринулось за рубеж. Едут в Финляндию, кому больше повезет — в Швецию и в Канаду. Все в восторге — ворота открыты, народ гуляет. Как-то забывается при этом, что ни Финляндия, ни Швеция с Канадой наших проблем решать не будут, их только наш труд в нашем доме и может решить.

— Ты не ездешь?

— Никуда. Отклонил все предложения, поступившие из-за границы, а они были, можешь мне поверить. Так сложилось, что театр, где я работаю, оказался в довольно сложном положении и надо было за один сезон поменять чуть ли не весь репертуар. Меньше чем за календарный год поставил пять спектаклей.

Между временем, когда такие театральные суверены, как Вольдемар Пансо и Каарел Ирд, выпустили своих последних учеников в режиссуре, и сегодняшним днем прошло не много ни мало — двадцать лет. Пора отдавать долги. Пора реорганизовывать театральную школу, и я связываю надежды с молодыми моими ребятами, среди которых есть интересные личности.

Если мы все объединимся, пересмотрим учебные планы, перетрясем замшевшие уже программы, то, возможно, и получится. Сейчас для меня главное — сохранить то ценное, что уже существует, защитить его.

Марина ОЧАКОВСКАЯ.